

Научная статья
УДК 303.1 + 314.742 + 325.14 + 159.953
doi 10.15826/tetm.2023.2.049

Память на пограничье и иммигрантские сообщества: к постановке проблемы

Юлия Валерьевна Зевако

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

zevakojulia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7656-0141>

Аннотация. В данной статье представлена попытка проблематизировать исследования иммигрантских сообществ внутри Европы на пересечении категорий «границы/пограничье» — «память» — «иммигрантские сообщества», проявив особую роль памяти в этой триаде. Для достижения поставленной цели в первой части статьи автор представит ряд подходов к исследованию пограничья в разных его измерениях с акцентом на «жестком» территориальном аспекте данного феномена. Затем внимание будет уделено «мягкому» пограничью и его чертам и далее будут охарактеризованы «иммигрантские сообщества» как «пограничье мягких границ». На основе концепции «активных границ» К. Мюллера и исследования иммигрантской молодежи в разных странах под руководством Дж. Берри будут проблематизированы возможные фокусы исследования памяти представителей иммигрантских сообществ на «пограничье мягких границ» в принимающих сообществах.

Ключевые слова: граница, теория границы, пограничье, память, мигранты, иммигрантские сообщества

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-28-02064 «Особенности дискурса национальной/гражданской идентичности в in-between пространствах “иммигрантских” сообществ (на материалах “британских мусульман” в современной Великобритании)», рук. Д. Н. Караваева.

Для цитирования: Зевако Ю. В. Память на пограничье и иммигрантские сообщества: к постановке проблемы // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 2. С. 29–41. <https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.049>

Original article

Memory, Borderlands and Immigrant Communities: to Problem Statement

Yulia V. Zevako

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

zevakojulia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7656-0141>

Abstract. In this article, the author problematizes studies of immigrant communities within Europe at the intersection of the categories “border/borderland” — “memory” — “immigrant communities”, revealing

© Зевако Ю. В., 2023

the special role of memory in this triad. To achieve this goal, in the first part of the article the author will present a number of approaches to the study of borderlands in its different dimensions — with an emphasis on the “hard” territorial aspect of this phenomenon. The focus will then be on the soft border and its features. Next, “immigrant communities” will be characterized as “soft borderlands”. Based on the concept of “active borders” by K. Muller and the study of immigrant youth in different countries under the leadership of J. Berry will be problematized some possible foci of research into the memory of representatives of immigrant communities on the “borderland of soft borders” in host communities.

Key words: border, border theory, borderland, memory, migrants, immigrant communities

Acknowledgments: The research work was supported by the RSF grant № 22-28-02064 “Peculiarities of the discourse of national/civil identity in the in-between spaces of “immigrant” communities (on the materials of “British Muslims” in modern Great Britain)”, supervisor D. N. Karavaeva.

For citation: Zevako, Yu. V. (2023). Pamyat' na pogranich'e i immigrantskie soobshchestva: k postanovke problem [Memory, Borderlands and Immigrant Communities: to Problem Statement]. *Tempus et Memoria*, 4, 2, 29–41. <https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.049>

Введение

«XXI век станет веком мигрантов», — констатировал Т. Нэйл в своей книге «Фигура мигранта» в 2015 г. «Сегодня люди переселяются на большие расстояния чаще, чем когда-либо прежде в истории человечества» [Nail 2015, 1]. Это становится большим вызовом для национальных государств, чьи границы пересекают и на чьих территориях оседают новые поселенцы, а затем укореняются в последующих поколениях [Hansen; Border Lampedusa...; Desmond и др.]. Эти вызовы касаются не только физических тел и реальных пространств, но также более тонких категорий взаимной адаптации, повседневных контактов, дружеских и брачных отношений, образования, совместного/раздельного досуга, гендерных ролей, религиозных правил, местных/привнесенных традиций и обычаев, замешанных на истории и памяти (и места исхода, и места оседания). Все это так или иначе — чувствительные вопросы общественных, политических, культурных и повседневных дискуссий по поводу вопроса о включении/исключении из «тела нации» пришлых людей, о самом «теле нации» и его критериях, о «своих» и «чужих», о реальных физических границах, которые так понятно раньше разделяли «нас» и «их». А что теперь? Вместе с мигрантами движутся и границы, они смещаются с государственных границ внутрь государств, создавая новые вызовы не только айдентитарной политике самих принимающих сообществ и их институтов, но и айдентитарным стратегиям перемещающихся людей, (само)организующихся в общины и кварталы.

В данной статье будет представлена попытка проблематизировать исследования иммигрантских сообществ внутри Европы через теорию «пограничья» — прежде всего в пространственно-нетерриториальном (культура, идентичность, самоощущение) аспекте. Для этой цели автор попробует адаптировать концепцию «активных границ» и «памяти трансграничных сообществ» К. Мюллера.

В первой части статьи будет представлен ряд подходов к исследованию пограничья в разных его измерениях — с акцентом прежде всего на «жестком» территориальном аспекте этого феномена. Затем внимание будет уделено «мягкому» пограничью и его чертам. Далее будут охарактеризованы «иммигрантские сообщества» как «пограничье мягких границ». На основе концепции «активных границ» К. Мюллера и исследования иммигрантской молодежи в разных странах под руководством Дж. Берри будут проблематизированы возможные фокусы исследования памяти представителей иммигрантских сообществ на «пограничье мягких границ» в принимающих сообществах.

«Жесткие» и «мягкие» границы и пограничье: фокусы и подходы

Границы являются неотъемлемой частью истории человечества, — они «присутствуют везде, где две или более групп вступают в контакт друг с другом... занимают одну и ту же территорию и где пространство между ними становится теснее» [Naum, 101]. Б. Паркер, стремясь систематизировать разные подходы к теории границ, выделяет пять основных

факторов, влияющих на динамику пограничного взаимодействия (то есть одновременно способствующих взаимодействию и при определенных условиях способных создавать «барьерные эффекты»): географические, политические, демографические, культурные и экономические факторы [Parker, 81].

К *географическим границам* Б. Паркер относит «наличие или отсутствие заметных физических особенностей, таких как реки или горные хребты, тип или изменение погодных условий, включая осадки и температуру, состав почв и доступность земли, воды; типы и плотность растительности и распределение природных ресурсов» [Ibid., 83]. *Политические границы* определяет как «политические, административные и военные границы» [Ibid.], *демографические* — как «все, что имеет отношение к людям... то есть наличие, размещение и взаимодействие различных этнических групп, а также численность, здоровье и пол населения» [Ibid., 85]. *Культурную границу* Б. Паркер характеризует как категорию, которая «охватывает языковые, религиозные и материальные культурные границы и, следовательно, включает как в приграничных районах, так и вокруг них количество, местонахождение и взаимосвязь языков, на которых говорят, религиозные верования и обычаи населения, а также тип и распространение материальной культуры» [Ibid., 87]. *Экономическую границу* характеризует «интенсивность эксплуатации природных ресурсов и средства, с помощью которых эти ресурсы превращаются в готовые продукты, а также влияние, которое изменение экономических границ может оказать на пограничные общества и экосистемы» [Ibid., 88]. Б. Паркер подчеркивает, что в результате воздействия и взаимодействия этих факторов «границы представляют собой чрезвычайно динамичные и часто нестабильные зоны, демонстрирующие заметную степень изменчивости» [Ibid., 77].

Большое количество исследований посвящено изучению отдельных аспектов границы/пограничья, выделенных Б. Паркером, тем не менее можно назвать ряд трудов, комплексно анализирующих разнообразные проявления пограничья. Одним из таких исследований является монография «Российское пограничье: вызовы соседства» (Москва, 2018). Авторы сразу заявляют, что «концепция исследования

состоит в сопоставлении социально-экономической, политической и экологической обстановки не только в российских приграничных районах, но и на соседних территориях вдоль всей линии границы... [в] рассмотрении пограничья как сложной и взаимосвязанной системы, реагирующей как целое... на изменения на любом ее участке» [Российское пограничье..., 12]. Обращая внимание на «сопряженный анализ объективных и субъективных характеристик пограничья», авторы приходят к выводу, что «в одних случаях экономика и курсы, продвигаемые государством и циркулирующие в местных сообществах, способствуют укреплению трансграничных взаимодействий, в других — вступают в открытое противоречие, разрушая логику экономической рациональности» [Там же].

Фактически речь идет о логике взаимодействия различных акторов на пограничье в разных его аспектах. В упомянутом выше исследовании «точкой сборки» для авторов оказалась «экономическая граница». Часть исследователей делают акцент на изучении «политических границ», обращая особое внимание на систему пограничного контроля, обеспечение безопасности, взаимодействие политики центральных властей и местных акторов (при этом не забывая о влиянии других факторов, обозначенных Б. Паркером). Так, Е. Брюнет-Джейли в своей работе, посвященной границам, пограничью и безопасности в Европе и Северной Америке, приходит к следующему выводу: «когда несколько государственных политик охватывают границу, они интегрируют пограничную безопасность» [Brunet-Jailly, 356]. При этом автор подчеркивает, что «чем больше культура, политическое влияние и рыночные силы объединяют приграничье, тем более проницаема граница, и, напротив, чем более интегрирована политическая деятельность нескольких правительств, тем более безопасным и менее пористым является приграничье» [Ibid.].

Исследовательница обращает внимание на некоторый конфликт (или «дилемму безопасности»), связанный с взаимоотношениями местных, низовых акторов — обычных граждан по разные стороны границы со своими повседневными частными интересами и правительственных/административных акторов, главной заботой которых постулируется обеспечение

безопасности границ. В таком случае действия низовых акторов приводят к интеграции пограничья, а действия «высоких» акторов — к интеграции пограничной безопасности; именно в этом поле может возникать напряжение: низовые практики пограничного взаимодействия людей могут подрывать безопасность, а интеграция систем безопасности — препятствовать практикам взаимодействия. Этой же проблеме «противоречия между приоритетами государства в пограничье и интересами местных жителей, вызванного различием трактовок безопасности» на российском материале, посвящена статья О. Вендиной [Вендина, 31].

Р. Виддис в своем исследовании «культурной границы» опирается на концепцию «гибридизации» Х. Бхабхи и других исследователей, «приземляя» ее не совсем пространственный характер. Р. Виддис утверждает, что «идея пограничности» характеризуется следующим: «земля по обе стороны границы существует в лиминальном состоянии, то есть включает в себя многие из черт обоих регионов, и все же отличается из-за гибридизации, возникающей в результате слияния двух областей в определенном пространстве... [таким образом] посредством обмена создаются “транснациональные культуры”... или “приграничные культуры” — своеобразный способ жить, писать, говорить и строить политику в отношении границы, а также... строить ландшафты двустороннего регулирования и обмена» [Widdis, 97].

Сам Х. Бхабха, развивая концепцию «третьего пространства», предлагает подняться над непосредственно территориальным смыслом пространства как «земли» и дополнить его дискурсивным и символическим измерениями. Автор утверждает, что «третье пространство» — это «пространство гибридности, изобретений и условностей, иницируемых и поддерживаемых повседневными ситуациями и встречами... пространство постоянного диалога и переделки». Исследователь подчеркивает, что это «дискурсивные места или условия, которые гарантируют, что значения или символы культуры не имеют изначального единства или фиксированности: что даже одни и те же знаки могут быть присвоены, переведены, реисторизированы и прочитаны заново». Другими словами, это пространства постоянной переинтерпретации, позволяющей, по мнению автора,

«открыть путь к концептуализации межкультурной культуры, основанной... на записи и артикуляции культурной гибридности», то есть «открыть путь» к созданию инклюзивных нарративов памяти, позволяющих «избежать политики полярности» и уйти от «националистических историй “народа”» [Naum, 106].

М. Наум, развивая концепцию Х. Бхабхи, продолжает: «условия “третьего пространства” — это промежуточные ландшафты, где происходят переговоры, переформируются идентичности и изобретаются личности. Это ландшафты, созданные дискурсами и диалогами множества голосов, принадлежащих не только людям, которые фактически живут в приграничных районах, но и администраторам и властям, находящимся за пределами этой зоны» [Ibid., 107]. Исследовательница утверждает, что «характер отношений в приграничной зоне никогда не бывает статичным и не должен восприниматься как нечто само собой разумеющееся» [Ibid.].

На такое «гуманитарное измерение» границы обращает внимание Т. В. Куликова, ссылаясь на М. М. Бахтина и подчеркивая, что «область “пограничья” как бытие на границе или со-стояние (как взаимодействие и отношение с возможными взаимопереходами одного в другое) имеет гуманитарное измерение, ибо... [требует] “вслушивания” в разные голоса, “участного” отношения к чужому сознанию, чужой культуре» [Куликова, 51].

Идею «инклюзивности», «активности» и «пористости» границы (с акцентом на «культурную границу») в таком смысле развивает и продвигает в своей концепции «активных границ» К. Мюллер. С одной стороны, автор, аналогично Б. Паркеру, выделяет следующие «затрудняющие» трансграничное взаимодействие факторы: разнообразные «барьерные эффекты» (языковые, административные, психологические), социально-экономическую асимметрию и историческую несправедливость (конфликты коллективной памяти, взаимные обиды и чувство исторической несправедливости) [Active Borders..., 3]. Исследование границ, пограничья и трансграничного сотрудничества, согласно К. Мюллеру, предполагает необходимость выявления и анализа «ключевых политических, культурных, институциональных и экономических предпосылок

и барьеров» в их развитии, а также выявление «конкретных акторов приграничного сотрудничества в конкретном многостороннем контексте», которые участвуют в их трактовке или управлении [Active Borders..., 2]. При этом основное внимание автор уделяет анализу «активной границы» как «особой культурной формы, которая способствует общественной рефлексии и обучению, а также стремится связать размежевание и динамику демократической интеграции (коллективной идентичности) с когнитивной открытостью, усилением способности к публичной критике и культурной плюрализации» [Ibid., 34], там самым, аналогично Х. Бхабхе, осмысливая категорию «пространство» не только как непосредственно «землю», но и в надтерриториальных категориях — «коллективной идентичности», «культурных установок», «когнитивной открытости» и др.

Совместить территориальное и нетерриториальное помогает также «теория границ» Т. Нэйла. В своей книге «Теория границ» автор предлагает собственное видение концепции границ, которое называет «критической лимологией» или «теорией реальных условий возникновения социальных границ» [Nail 2016, 14]. Автор рассматривает границы как «процесс социального разделения», формирующий «сложные композиции» [Ibid., 2] и описывающий такие «условия или наборы отношений, при которых возникают эмпирические границы» [Ibid., 11] — географические, политические, демографические, культурные и экономические, про которые говорил Б. Паркер.

Т. Нэйл подчеркивает, что «граница появляется везде, где существует материальная технология социального разделения» [Ibid., 16]. Характеризуя «границу», автор выделяет четыре основных аспекта, во многом пересекающихся с наблюдениями других авторов и суммирующих их:

1. *Граница находится между («in-between»)* [Ibid., 2], то есть «граница — это не только ее стороны, соприкасающиеся между двумя государствами, это также и третья вещь... нечеткая зона... которую многие теоретики определили как “ни/ни” или “и то и другое”» [Ibid., 3] (ср. с «третьим пространством Бхабхи»). Более того, Т. Нэйл формулирует любопытное следствие этого состояния границы «in-between», — «это абсолютно позитивный и непрерывный

процесс умножения за делением: чем больше она разделяет социальное пространство, тем больше она его умножает» [Nail 2016, 3] — экстенсивным или интенсивным способом, то есть либо «вносит абсолютный разрыв, создавая две количественно отдельные и прерывистые сущности», либо «добавляет к существующему новый путь... производящий качественное изменение всей непрерывной системы» [Ibid.].

Развивая тезис о социальной обусловленности границ, Т. Нэйл подчеркивает: именно «граница стала социальным условием, необходимым для возникновения тех или иных доминирующих социальных формаций, а не наоборот» [Ibid., 4]. Автор обращает внимание на то, что «граница проходит не только между внутренним и внешним пространством двух территорий, государств и т. д. ... это разделение внутри общества... [они] вплетены в ткань общества и являются рутинным делом всех заинтересованных сторон. [Они] являются ключом к пониманию сетевых связей, а также к вопросам идентичности, принадлежности, политического конфликта и социальной трансформации» [Ibid., 5].

2. *Граница находится в движении* [Ibid., 5], при этом, подчеркивает Т. Нэйл, «движение границы — это не метафора; граница буквально и фактически находится в движении по нескольким направлениям»: движутся сами по себе (как физические материальные объекты, склонные к саморазрушению) либо их перемещают другие (в случае территориальных, политических и военных конфликтов, юридических пересмотров, экономических реформ и пр.) [Ibid., 5–6]. Главное — «границы не статичны и не заданы, они воспроизводятся», «это не естественные, нейтральные и статичные, а исторически обусловленные, политически окрашенные, динамические явления, которые в первую очередь затрагивают людей и их повседневную жизнь» [Ibid., 7]. Подбирая метафоры, Т. Нэйл останавливается на такой: «Границы больше похожи на двигатели: мобильные режущие лезвия общества. Как и любой другой мотор, приграничные технологии необходимо обслуживать, воспроизводить, заправлять, защищать, запускать, оплачивать, ремонтировать и так далее» [Ibid., 7]. Соответственно, делает вывод автор, «границы всегда были подвижными и множественными,

менеджмент в той или иной форме всегда был частью их существования» [Nail 2016, 7].

3. *Границы — это процесс циркуляции* [Ibid.7], они «регулярно меняют процесс отбора включения, так что любой может быть исключен в любой момент» [Ibid.]. Возвращаясь к идее «нечеткой зоны», «ни/ни» или «и то и другое» (см. выше), Т. Нэйл подчеркивает, что «одним из основных эффектов границ является именно их способность создавать гибридные переходные зоны» [Ibid., 8] (аналогично размышлениям Виддис и Бхабхи), которые, в свою очередь, также чрезвычайно подвижны и изменчивы. Автор уточняет: «Вместо разделения на две части согласно статической логике суверенного бинаризма, граница разделяется посредством движения и умножения. Граница добавляет к первому разделению еще одно, и еще, и так далее, продвигаясь дальше» [Ibid.].

4. *Граница несводима к пространству* [Ibid., 9]. Автор обращает внимание на то, что «граница не является результатом пространственного упорядочения, а как раз наоборот: пространственное упорядочение общества — это то, что производится серией разделений и круговоротов движений, создаваемых границей» [Ibid.]. То есть, согласно автору, «граница определяет общество, а не наоборот» [Ibid.], как это утверждалось, например, в исследованиях Б. Паркера.

Развивая эту мысль, автор пишет: «Граница — это не просто эмпирическая технология, которой можно сопротивляться или нет; это также режим или набор отношений, которые организуют эмпирические пограничные технологии» [Ibid., 13]. Соответственно «современные границы представляют собой в значительной степени гибридные структуры, состоящие из смеси различных исторических методов установления границ» [Ibid., 17].

Взаимозависимость и взаимообусловленность материальных и нематериальных границ раскрывают в своих работах и другие исследователи. Так, К. Мюллер отмечает, что «следует проводить различие между территориальными (или политическими) границами, которые являются работой землемеров, и психологическими (или символическими) границами, которые воспроизводятся посредством дискурсивных практик и институционального надзора» [Active Borders..., 13]. Ссылаясь

на размышления К. Эдер, автор в связи с этим предлагает выделять «жесткие» (территориальные, государственные) и «мягкие» (символические, культурные, связанные с идентичностью) границы [[Active Borders..., 13]. Сам К. Эдер пишет об этом так: «Границы... часто являются мягкими фактами. Определение того, кто мы такие и кто такие другие, создает границы между группами людей, столь же изменчивые, как и дискурсы о них. Такие мягкие границы — это границы, которые мы проводим между людьми» [Eder, 255].

Часто исследователи фокусируются на изучении пограничья, где «символика мягких границ» стремится стать/стала «частью жесткости политических границ» [Ibid., 13], то есть где этничность (идентичность этнокультурных групп) тяготеет к определенной территории, к рамкам определенных территориальных границ. Другими словами, в фокусе внимания, как правило, оказываются несовпадающие с (меж) государственными («жесткими») границами этнокультурные идентичности («мягкие границы») жителей приграничья/пограничья и их отношения с этой границей, то есть исследование пограничья «жестких границ» и накладываемое на эту матрицу связанное с/привязанное к ней пограничье «мягких границ». Во многих исследованиях пограничья «мягкие границы», как правило, привязаны к физическим «жестким границам» конкретных государств/территорий и рассматриваются вместе.

Иммигрантские сообщества, «пограничье мягких границ», идентичность и память

Однако, если обратиться к теме иммигрантских сообществ в контексте взаимоотношений не только с государственными институтами непосредственно на внешних границах, но с принимающим сообществом внутри этих границ, то фокус заметно сместится на символическое пограничье. В этой логике, логике разрыва жестких и мягких границ, отношения иммигрантов с представителями принимающей стороны/мигрантами из других стран в принимающей стороне можно назвать «пограничьем мягких границ» («borderland of the soft borders»), «символическим пограничьем», «пограничьем идентичностей». Как

и в случае с жесткими границами, «пограничье мягких границ» имеет схожую логику и аналогичные «барьерные эффекты», затрудняющие/способствующие переходу от «пассивной мягкой границы» (закрытой от взаимодействий) к «активной мягкой границе» (открытой к взаимодействиям).

Этот процесс хорошо виден в исследовании, осуществленном под руководством Дж. Берри и посвященном изучению иммигрантской молодежи разной этнической принадлежности в 14 странах мира [Immigrant Youth...]. Например, говоря о стратегиях адаптации в принимающем сообществе («национальном сообществе»), Дж. Берри выделяет следующие варианты соотнесения молодыми иммигрантами себя со своей этнической группой и/или с принимающим сообществом в новых пространственных и культурных условиях. Исследователь выделяет четыре «профиля» адаптации, то есть взаимодействия на «символическом пограничье»: интеграционный, национальный, этнический и диффузный [Ibid., 214].

Если перевести эти профили на язык «пограничья мягких границ», то можно сказать, что «интеграционный профиль» характеризует иммигрантов как носителей «мягкого пограничья», готовых наравне со своим символическим нарративом усваивать культурные нарративы другой части «пограничья», то есть готовых к логике «активных границ» — по крайней мере, со своей стороны делающих «символическую границу» достаточно пористой для равноправного диалога. «Национальный профиль» говорит о готовности иммигрантов подчиниться воле и нарративам принимающей стороны, говорит о готовности/возможности растворения одной границы в другой, включении-растворении символического наследия прошлой группы в нарративах принимающей («ассимиляция»). «Этнический профиль» указывает на стремление иммигрантов оградить и защищать свою «мягкую границу» — свою культуру и идентичность; их собственная «мягкая граница» оказывается «пассивной», не пористой, затрудняющей (культурное/символическое) взаимодействие с местным сообществом: внутри замкнутой территориальности «жестких границ» формируется «культурный анклав» с пассивной (непроницаемой

извне) «мягкой границей». Такая ситуация становится дискомфортной для принимающего сообщества, так как иммигранты оказываются «неподвластными»/сопротивляются ассимиляционным усилиям принимающей стороны. «Диффузный профиль» характеризует представителей иммигрантской молодежи скорее не в социологическом смысле, а в психологическом — как состояние «пограничности личности» [Immigrant Youth...].

Поскольку «аккультурация обычно является двусторонним процессом» [Parker, 86], для успешной «интеграции» «активной» (пористой) граница должна быть с обеих сторон, то есть представители принимающей стороны также должны быть готовы активно участвовать в создании совместных нарративов, воспринимать нарративы иммигрантов как имеющие равное право на то, чтобы быть рассказанными и услышанными, признать субъектность за тем, кто находится по другую сторону «мягких» (символических, идентификационных) границ. Это вопрос о взаимной «видимости» и/или «невидимости». «Национальный» и «этнический» профили аккультурации эксклюзивны по своей природе — побуждают отказаться от одного нарратива в пользу другого, не подразумевают равенства между этими двумя символическими системами, идентичностями, культурами. Инклюзивным оказывается только «интеграционный профиль», включающий в себя обе идентичности на равных правах.

Важно, что Дж. Берри выделяет указанные профили с точки зрения самой иммигрантской молодежи — как их собственный взгляд на то, какую идентичность они выстраивают, как они готовы действовать на «границе мягкого пограничья». Однако это ничего нам не сообщает о позиции принимающего сообщества, насколько «активна» и пориста «символическая граница» с их стороны — насколько они готовы увидеть и услышать (в равноправной субъектной роли) тех, кто готов слышать и видеть их, насколько уровни, измерения, пространства взаимодействия иммигрантских общин и принимающего сообщества (их представителей) инклюзивны. В этом смысле концепция «активных границ» К. Мюллера, разработанная для пространств, совмещающих «жесткие» и «мягкие границы», вполне эвристична и для «пограничья мягких границ». Более того,

сообщества «мягких границ», в нашем случае иммигрантские сообщества, «оседающая» на территории какого-либо государства, могут начать обретать собственные территориальные формы (например, этнические кварталы), формировать свою «жесткую границу». Территориализация «мягких границ» внутри политического тела также вызывает беспокойство как «угроза завоевания» изнутри.

В этом смысле концепция «активных границ» К. Мюллера может быть интерпретирована нами как концепция «внутренних активных границ», имеющих как «жесткое», так и «мягкое» измерения.

Развивая свою концепцию далее, К. Мюллер на основе идей А. Ассман рассуждает о возможностях формирования с помощью политики «активных границ» «трансграничных сообществ памяти»: «Кажется очевидным, что социальные группы вряд ли могут существовать без каких-либо различий и разграничений... Активная граница, которую мы противопоставляем пассивной границе, относится к символической границе, определяющими чертами которой, относящейся к теме примирения с прошлым, являются, в частности, (1) формирование положительного и взаимодополняющего идентичности, основанные на гражданском кодексе коллективной идентичности; (2) предпочтение интеграции исключению; (3) предпочтение дискурсивных стратегий дифференциации других, а не их дискредитации; (4) превосходство критического знания и моральной открытости над натурализованным знанием и стереотипами; (5) ориентация на так называемую политику жизни, а не на политику идентичности; и (6) ориентация на будущее, а не на прошлое. Обращение с определенными таким образом активными границами способствует формированию транснациональной общности с взаимно пористыми границами, которая релятивизирует и примиряет, но в то же время не упраздняет различия между нами и ими, внутри и снаружи» [Active Borders..., 106].

Исходя из теории памяти А. Ассман, К. Мюллер формулирует четыре синхронистские модели обращения с прошлым: «диалогическое забывание», «запоминание, чтобы не забыть», «запоминание, чтобы забыть» и «диалогическое запоминание» [Ibid.]. Каждой модели автор дает подробную характеристику:

1. *Диалогическое забывание* предполагает «взаимное согласие замолчать воспоминания во имя необременения общего будущего... поскольку воспоминания об исторических травмах усиливают взаимный антагонизм, препятствующий сотрудничеству между антагонистическими группами...» [Active Borders..., 106–108]. Однако такая стратегия направлена скорее на умалчивание, а не на деконструкцию стереотипов и соответственно не приводит к «примирению воспоминаний и успешному обращению с активными границами» [Ibid.].

2. *Диалогическое воспоминание* направлено на «критическую переоценку исторических воспоминаний и их взаимосвязанность». Однако речь не идет о замене различных нарративов конкретным (например, европейским) историческим метанарративом, который был бы результатом (европейской) политики идентичности, а исходит из того, что «национальные границы остаются базой для интерпретативных рамок прошлого». Диалогическое запоминание «стремится не к общему нарративу, а к нарративам, которыми можно поделиться». Этот способ помнить и вспоминать можно связать с «потребностью в установлении мест общей памяти, с взаимным признанием несправедливости и вины и особенно с готовностью включить интерпретационные позиции “других” в свои представления о прошлом» [Ibid., 108–109].

3. *Воспоминание для того, чтобы забыть*, — это «монологический, рефлексивный подход, основанный на предпосылке, что с прошлым нужно иметь дело через объективное понимание исторических событий, важным элементом такого обращения с прошлым является наказание за любую вину и привлечение к личной ответственности, — такие меры становятся символами политического и правового поиска справедливости». Особенностью данного подхода является то, что критическое осмысление прошлого направлено прежде всего внутрь сообщества. Главной движущей силой здесь является «не стремление к укреплению трансграничных отношений, а внутренний (монологический) поиск справедливости, притупляющий травмы в коллективной памяти и открывающий дорогу новому началу, выдвигающий на первый план собственное страдание

и стремящийся его критически преодолеть» [Active Borders..., 109].

4. *Воспоминания, чтобы предотвратить забывание*, характеризуется стремлением к «соглашению о воспоминании между преступниками и жертвами и их готовности к саморефлексии», тем самым «открывая путь к обобщению исторического опыта в конкретные уроки и моральные обязательства, которые могут быть приняты молодыми поколениями». Движущей силой здесь является не «политический проект, направленный на критическую переоценку и примирение различных взглядов на прошлое при уважении их различий, а страх перед повторением травматического опыта, который постоянно присутствует в публичном дискурсе (будь то в форме политических речей, материалов СМИ, учебников или мест памяти), морализирующее выражение политики идентичности, привязанной к прошлому (например, построенный на памяти о Холокосте)» [Ibid., 110].

К. Мюллер подчеркивает, что «путь к диалогическому воспоминанию и успешному управлению активными границами лежит через артикуляцию страхов по поводу повторения противоречивых травматических переживаний» [Ibid.], которые (в случае Европы) «связывают народы Европы через войны и конфликты» [Eder, 267]. Такие повествования, как подчеркивает К. Эдер, «полны эмоций», и, несмотря на то, что рассказывают историю «с разных национальных точек зрения», из них «вытекает другая история» — общая «история горького прошлого» [Ibid.].

И хотя К. Мюллер разрабатывал свою теорию применительно к взаимоотношениям на «жестких» и «мягких» границах «еврозон», его размышления представляются перспективными и для изучения теории и практики «пограничья мягких границ» внутри европейских стран — между представителями принимающих и иммигрантских сообществ.

Соположение модели адаптации молодых иммигрантов Дж. Берри и моделей обращения с прошлым К. Мюллера (в рамках концепции «активных границ») подводит к следующим размышлениям: «интеграционный профиль» аккультурации иммигрантов хорошо согласуется с моделью «диалогического воспоминания», которая направлена «не к общему

нарративу, а к нарративам, которыми можно поделиться...» [Active Borders...]. То есть иммигрантская молодежь с таким профилем социально, культурно и психологически готова к взаимодействию в русле «активных границ», формированию своих и восприятию чужих нарративов о прошлом, участию в совместных проектах по формулированию «общего наследия».

«Национальный профиль» не соответствует ни одной из предложенных К. Мюллером моделей, так как характеризуется отказом от идентичности со своей «этнической группой» в пользу «национальной» что с точки зрения обращения с прошлым предполагает отказ от нарратива о прошлом своей группы и принятие нарратива, принадлежащего принимающей «национальной группе». Однако, если учесть наблюдение К. Мюллера, что с течением времени этническая идентичность иммигрантов не имеет тенденции к ослаблению, а остается константно достаточно сильной, можно предположить, что отчасти такому аккультурационному профилю будет соответствовать модель «диалогического забвения», подразумевающая «взаимное согласие замолчать воспоминания во имя необременения общего будущего» без «деконструкции стереотипов и примирения воспоминаний» [Ibid., 106–108] (в случае с новыми иммигрантами общих воспоминаний может не быть вообще, их место могут занимать стереотипы и предрассудки). Представители этого профиля не стремятся/не имеют потребности создавать и/или рефлексировать исторический нарратив своей этнической группы и в этом смысле теряют свою «агентность»/субъектность в формировании общего нарратива о прошлом внутри той «гражданской нации», в которой они осели (то есть у них нет своего нарратива о прошлом, который они могли бы/хотели бы обсуждать и интегрировать с нарративом о прошлом принимающей стороны, и в этом смысле они немые, потому что им не о чем рассказывать).

«Этнический профиль» аккультурации может сочетаться с такими моделями, как «диалогическое забвение» и «воспоминания для того, чтобы забыть», предполагая либо отказ иммигрантов «вспоминать» в общем публичном пространстве «во имя необременения общего будущего», либо стремление «критически осмыслить прошлое» только

в рамках своей этнической/этнокультурной группы, своего «иммигрантского сообщества». Представители этого профиля ориентированы на собственную этническую группу/«иммигрантское сообщество», соответственно их нарративы о прошлом ориентированы не на диалог с нарративами о прошлом принимающей стороны, а на сохранение, передачу и осмысление собственных нарративов. При этом внутри своей этнической группы представители «иммигрантского сообщества» могут придерживаться моделей «воспоминания для того, чтобы забыть» либо «воспоминания для того, чтобы помнить», а при контактах с принимающим сообществом — модели «диалогического забвения».

«Диффузный профиль» аккультурации, являясь в определенной степени противоположностью «национального профиля», также не соответствует ни одной из предложенных моделей, так как оказывается в положении неопределенного отношения ни к прошлому своей этнической группы, ни к прошлому принимающей стороны. Такая позиция выводит представителей «диффузного профиля» из разговора (диалога или монолога) о прошлом: теряя ощущение субъектности в целом в своей жизни, они также теряют «human agency» [Brunet-Jailly, 351–352], и в этом вопросе ни один нарратив о прошлом они не могут присвоить себе, так как это требует принятия иной формы аккультурации.

Соположение двух концепций показывает, что «внутреннее пограничье» между иммигрантскими сообществами и принимающим населением может усложнять ландшафт взаимоотношений на границах, когда физическая граница инаковости присутствия сейчас (иммигрант — местный) дополняется символической границей инаковости относительно прошлого (иммигрант может быть из конфликтного пограничья территории исхода, по отношению к которому выбирает одну модель «вспоминать», а в отношении принимающего сообщества может выбирать другую модель взаимодействия с прошлым).

Бикультурность, характерная, согласно исследованию Дж. Берри, более чем половине молодых иммигрантов, в сочетании с сохранением и/или усилением своей этнической идентичности (несмотря на длительность

проживания в принимающем сообществе) делает вопросы соотношения идентичности и памяти (в виде отношения к прошлому или нарративов о прошлом) и вопросы о «трансграничном взаимодействии» в таком смысле очень актуальными.

К. Мюллер особое внимание в концепции «активных границ» уделяет вопросам коллективной памяти и проблеме обращения с прошлым. Он отмечает, что «создание трансграничных сообществ памяти представляет собой инновационный катализатор дальнейшего развития трансграничного сотрудничества и качественно более высокого уровня трансграничной регионализации... Трансграничное обращение с прошлым является ключом к продуктивному управлению угрозами и вызовами, с которыми европейцы сталкиваются сегодня, и, следовательно, необходимой предпосылкой как для построения более устойчивой Европы, так и для успешного развития Европейского союза» [Active Borders..., 9]. Это положение изначально справедливо для европейского пограничья «жестких границ» в рамках и на границах Европейского союза, то есть для стран с общим территориальным/пространственным прошлым, которое может стать совместным/общим местом памяти и сообщать общие/совместно разделяемые/консенсусные смыслы и памяти, и месту.

Однако в отношении представителей иммигрантских общин в Европе, приехавших из стран Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, ситуация иная: жители бывших колониальных и/или неблагополучных стран указанных регионов могут не иметь на территории Европы общих с жителями стран Европы укорененных в территории/пространстве/«земле» исторических, символических, культурных смыслов (фундированных в совместном прошлом), которые можно было бы со-интерпретировать, то есть в которых можно было бы участвовать в качестве субъекта совместной интерпретации места совместного пребывания. История колонизации связана с асимметричными отношениями жителей колоний и метрополии, не имеющих общей территории (места), что, вероятно, сообщает такую же асимметрию памяти об общем прошлом: жители бывших метрополий скорее умалчивают об «общей истории», не стремясь

включать в нарративы «европейской памяти» «неудобные» сюжеты, лица, истории ее неевропейской части (может быть, даже не столько в рамках целенаправленной деятельности по исключению из нарративов, а в качестве повседневной практики, «габитуса» «среднего европейца»).

Исходя из этого, применительно к «внутреннему мягкому пограничью» представителей принимающего сообщества и иммигрантских общин, можно сформулировать следующие вопросы: возможно ли создавать с представителями иммигрантских общин «трансграничные сообщества памяти»? Носителями какой памяти являются иммигранты? «Проблема обращения с прошлым» является односторонней проблемой только «принимающего сообщества», которое видит своей задачей приобщить «прибывших» к своей истории, либо это обоюдный «трансграничный» процесс? Каковы отношения иммигрантов с местом, пространством, с историей, с прошлым того места, где они «осели»/поселились? Насколько чувствительным для принимающего сообщества становится «несвязанность» иммигрантов с историей, прошлым, памятью того места, куда они приехали? Насколько они хотят, чтобы иммигранты вписались в эти места, усвоили и присвоили их символический смысл, важный для местного сообщества? В свою очередь, насколько иммигранты чувствительны к местным местам памяти и памяти мест — или для иммигрантов они остаются невидимыми, или, может быть, иммигранты наделяют их уже другими смыслами?

Проблематизировать можно и так: «невидимые» для местного «белого населения» представители иммигрантских общин с длительной историей своего пребывания в стране принятия, члены которых имеют свою историю и физическую, функциональную, символическую связь с местом, свое прошлое в этом месте и свое место в этом прошлом, могут быть никак не отражены в местных «белых» нарративах памяти.

Таким образом, если в первом варианте у представителей иммигрантских общин нет общего прошлого с представителями местного сообщества и вопрос о возможности «трансграничных сообществ памяти» имеет в виду отсутствие памяти об этом месте у одной/

нескольких сторон сотрудничества и именно в этом видится затруднение, то во втором варианте возможность «трансграничного сотрудничества» на «пограничье мягких границ» будет связана с ответами на следующие вопросы: 1) как видят прошлое «принимающего» места — физически, функционально, символически — представители иммигрантских общин второго, третьего и далее поколений? 2) почему они (иммигранты) и их смыслы прошлого оказываются невидимыми для представителей местного сообществ? 3) возможна ли политика и практика «активных границ» в отношении представителей иммигрантских общин второго, третьего и далее поколений и принимающего сообщества? Что мешает/способствует этому процессу?

Выделение двух этих вариантов связано с тем, что Дж. Берри описывает как «две отдельные проблемы а) иммиграционный поток — прибытие и расселение первого поколения (ситуация, при которой у иммигрантов и принимающего сообщества нет общей памяти в месте прибытия, нечего со-интерпретировать на месте) и б) этнокультурное разнообразие — длительное присутствие многочисленных культурных сообществ, базирующихся во втором и последующих поколениях (то есть у них есть общая память в месте прибытия и есть что со-интерпретировать)» [Immigrant Youth..., 4].

Соответственно в русле концепции «активных границ» можно говорить о со-интерпретации границ — совместной интерпретации смыслов истории/пространства/памяти и на «жестком», и на «мягком» пограничье, нюансы которой можно обозначить так: а) со-интерпретация границ/пограничья группами, которые имели общее (пусть и трудное) прошлое — им есть что интерпретировать и на чем создавать общие смыслы; б) в ситуациях с мигрантами, у которых нет совместной истории с принимающим сообществом: для них населенные ими пространства не имеют какой-то особой истории, с которой они солидаризируются, что затрудняет совместную со-интерпретацию и выстраивание общих смыслов, либо ставит задачу конструирования этих смыслов фактически «с чистого листа».

Заключение

Приведенный выше анализ показывает, что теории границ и пограничья, изначально разработанные авторами для анализа ситуации на границах между государствами (приграничье) или пространства вокруг государственных границ (пограничье), имеют большой эвристический потенциал для изучения границ и пограничий, «оторванных от земли», имеющих нетерриториальную и часто нематериальную основу. Размышления исследователей по поводу «жестких» и «мягких» границ как фактора межгосударственных и межинституциональных отношений, в которых отдельный человек/группы людей чаще выступают в качестве объекта воздействия, а не субъекта действия, в условиях «перемещения границ» внутрь государств, связанных с массовыми миграциями людей, имеющих собственный, в том числе исторический и культурный, бэкграунд, помогает увидеть, проблематизировать и проанализировать новые вызовы изменяющейся социальной ткани «национальных сообществ».

Такая проблематизация позволяет наметить направления будущих исследований на пересечении категорий «границы/пограничье» — «память» — «иммигрантские сообщества», проявив роль памяти в «пограничных» взаимоотношениях между принимающей и пришлой сторонами, которая потенциально может быть как ресурсом улучшения, так и причиной ухудшения их отношений. В мире, где «все мы становимся мигрантами», пространство и память начинают играть особую роль в айдентитарной политике государств и повседневных айдентитарных стратегиях людей по обе стороны «границы».

Таким образом, в современном «движущемся» мире представляется важным не только выстраивание определенных стратегий в отношении социальной, культурной, экономической и языковой адаптации иммигрантов в странах оседания (анализу которых посвящена обширная исследовательская литература), но и стратегий совместной памяти/мест памяти — как на жестком пограничье государств, так и на мягком пограничье иммигрантских диаспор и принимающих сообществ.

Список источников

- Вендина О. Жить в пограничье: интерпретация проблем пограничной безопасности жителями пограничных городов России // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2019. № 11(2). С. 30–69. doi 10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69.
- Куликова Т. В. Философия «границы» в контексте гуманитарного познания // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2012. № 1(3). С. 47–54.
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. М. : ИП Матушкина И.И., 2018.
- Active Borders in Europe : Identity and Collective Memory in the Cross-Border Space / ed. by Karel B. Müller. Cham: Springer, 2023.
- Border Lampedusa: Subjectivity, Visibility and Memory in Stories of Sea and Land / ed. by G. Proglia, L. Odasso. Cham : Palgrave Macmillan, 2018.
- Brunet-Jailly E. Conclusion: Borders, Borderlands, and Security: European and North American Lessons and Public Policy Suggestions // *Borderlands: Comparing Border Security in North America and Europe*. University of Ottawa Press, 2007. P. 351–356.
- Desmond A. From migration crisis to migrants' rights crisis: The centrality of sovereignty in the EU approach to the protection of migrants' rights // *Leiden Journal of International Law*. 2023. P. 1–22. doi 10.1017/S0922156522000759.
- Eder K. Europe's Borders The Narrative Construction of the Boundaries of Europe // *European Journal of Social Theory*. 2006. № 9(2). P. 255–271.
- Hansen R. Making Immigration Work: How Britain and Europe Can Cope with their Immigration Crises // *Government and Opposition*. 2016. Vol. 51, № 2. P. 183–208. doi 10.1017/gov.2015.40
- Immigrant Youth in Cultural Transition. Acculturation, Identity, and Adaptation Across National Contexts // *Classic* / ed. John W. Berry, Jean S. Phinney, David L. Sam, Paul Vedder. Routledge, 2023.
- Nail T. The figure of the migrant. California : Stanford University Press, 2015.
- Nail T. Theory of the Border. Oxford University Press, 2016.
- Naum M. Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands // *Journal of Archaeological Method and Theory*. June 2010. Vol. 17, № 2. P. 101–131.
- Parker B. J. Toward an Understanding of Borderland Processes // *American Antiquity*. 2006. Vol. 71, № 1 (Jan., 2006). P. 77–100.

Widdis R. Greater New England as Cultural Borderland: A Critical Appraisal // *Acadiensis: Journal of the History of the Atlantic Region*. 2017. Vol. 46, № 1. P. 97–121.

References

- Active Borders in Europe: Identity and Collective Memory in the Cross-Border Space* (2023) / ed. by Karel B. Müller. Springer Cham.
- Berry, W. John, Phinney, S. Jean, Sam, L. David & Vedder, Paul (2023). *Immigrant Youth in Cultural Transition. Acculturation, Identity, and Adaptation Across National Contexts*. Routledge.
- Border Lampedusa: Subjectivity, Visibility and Memory in Stories of Sea and Land* (2018) / ed. by Gabriele Proglia, Laura Odasso. Cham: Palgrave Macmillan.
- Brunet-Jailly, E. (2007). Conclusion: Borders, Borderlands, and Security: European and North American Lessons and Public Policy Suggestions. *Borderlands: Comparing Border Security in North America and Europe*. University of Ottawa Press, 351–356.
- Desmond, A. (2023). From migration crisis to migrants' rights crisis: The centrality of sovereignty in the EU approach to the protection of migrants' rights. *Leiden Journal of International Law*, 1–22. doi 10.1017/S0922156522000759.
- Eder, K. (2006). Europe's Borders The Narrative Construction of the Boundaries of Europe. *European Journal of Social Theory*, 9(2), 255–271.
- Hansen, R. (2016). Making Immigration Work: How Britain and Europe Can Cope with their Immigration Crises. *Government and Opposition*, 51, 2, 183–208. doi 10.1017/gov.2015.40.
- Kulikova, T. V. (2012). Filosofiya «granicy» v kontekste gumanitarnogo poznaniya [Philosophy of “borders” in the context of humanitarian knowledge]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 1(3), 47–54.
- Nail, T. (2015). *The figure of the migrant*. California: Stanford University Press.
- Nail, T. (2016). *Theory of the Border*. Oxford University Press.
- Naum, M. (2010). Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands. *Journal of Archaeological Method and Theory*, June 17, 2, 101–131.
- Parker, B. J. (2006). Toward an Understanding of Borderland Processes. *American Antiquity*. 71, 1 (Jan), 77–100.
- Rossijskoe pogranič'je: vyzovy sosedstva* [Russian borderland: challenges from the neighborhood] (2018) / pod red. V. A. Kolosova. Moskva: IP Matushkina I.I.
- Vendina, O. (2019). Zhit' v pogranič'je: interpretaciya problem pograničnoj bezopasnosti zhitelyami pograničnyh gorodov Rossii [Living in the Borderland: How Residents of Russian Border Towns Interpret Security Problems]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 11(2), 30–69. doi 10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69.
- Widdis, R. (2017). Greater New England as Cultural Borderland: A Critical Appraisal. *Acadiensis: Journal of the History of the Atlantic Region*, 46, 1, 97–121.

Сведения об авторе

Зевако Юлия Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Yulia V. Zevako, Cand. Sci. (Political Science), Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Humanitarian Research, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Статья поступила в редакцию 15.10.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023;
принята к публикации 03.11.2023

The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 30.10.2023;
accepted for publication 03.11.2023